

ГБУ РС (Я) «Музей музыки и фольклора Якутии»
ФГБУН «Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера» СО РАН

ФОЛЬКЛОР ПАЛЕОАЗИАТСКИХ НАРОДОВ

*Материалы II Международной научной конференции
«Фольклор палеоазиатских народов»
(г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.)*

Якутск
2017

УДК398(=55)(063)
ББК82.3(2Рос5)я43

Ответственный редактор доктор исторических наук *А.Н. Алексеев*

Редакционная коллегия: кандидат педагогических наук *П.Е. Прокопьева*,
кандидат исторических наук *А.П. Решетникова*,
кандидат филологических наук *С.И. Шарина*, кандидат филологических наук *С.Н. Курилова*,
кандидат филологических наук *А.Е. Прокопьева*, кандидат исторических наук *В.С. Акимова*

Рецензенты: член-корреспондент РАН, доктор исторических наук *В.В. Напольских*,
доктор исторических наук *Е.Н. Романова*

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Издание осуществлено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 16-11-14501 «II Международная конференция “Фольклор палеоазиатских народов”»)

Ответственность за содержание статей несут авторы статей

Ф75 **Фольклор палеоазиатских народов:** материалы II Международной научной конференции, г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г. / [отв. ред. д.и.н. А.Н. Алексеев ; ред.-кол.: к.п.н. П.Е. Прокопьева, к.и.н. А.П. Решетникова, к. филол. н. С.И. Шарина и др.]. – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. – 400 с.

ISBN 978-5-471-00678-2

Агентство СІР НБР Саха

В сборнике представлены материалы II Международной научной конференции «Фольклор палеоазиатских народов» (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). Статьи обобщают результаты исследований по таким направлениям, как этническая история, песенная и музыкальная культура, повествовательный фольклор, традиционная космология и обрядовая культура палеоазиатских народов. Сборник адресован фольклористам, филологам, историкам, этнографам, искусствоведам, музееведам и всем, кто интересуется культурой палеоазиатских народов.

В оформлении обложки сборника использованы иллюстрации из книг:

1-я стр. – А.П. Окладников, А.И. Мазин. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 190 с.

4-я стр. – В.И. Иохельсон. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

ISBN 978-5-471-00678-2

© Авторы статей, 2017

© Оформление. РИО медиа-холдинга, 2017

ФОЛЬКЛОР ПАЛЕОАЗИАТСКИХ НАРОДОВ

Материалы II Международной научной конференции
«Фольклор палеоазиатских народов» (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.)

Ответственный редактор **А.Н. Алексеев**

Редактор *Д.М. Желобцова*. Верстка *В.Д. Протодьяконова*

Подписано в печать 7.08.2017. Формат 60x84^{1/16}. Печать офсетная.
Печ. л. 25,0. Усл. печ. л. 23.25. Тираж 300 экз. Заказ № 43

РИО медиа-холдинга, г. Якутск, Дом печати, каб. 117, тел.: 42-11-04

Отпечатано в ОАО «Медиа-холдинг «Якутия»

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Этническая история и культура палеоазиатских народов	
<i>Миссонова Л.И.</i> Перекрестки и параллели культур на островах Сахалин, Курилы, Хоккайдо (на основе фольклорного «слова» и «изображения»).....	11
<i>Зориктуев Б.Р.</i> Палеоазиатский пласт в этническом составе якутов (к истории общности хоро)	21
<i>Бравина Р.И.</i> Маски-личины в наскальном искусстве и обрядовой культуре народов Якутии	30
<i>Иванова-Умарова З.И.</i> Рисунки на бересте как ранняя письменность юкагиров	36
<i>Петрова С.И.</i> Новые артефакты материальной культуры народов Севера и Дальнего Востока (по материалам российских и зарубежных музеев).....	45
<i>Жукова Л.Н.</i> Новое в исследовании юкагирской культуры (палеоэтнография и фольклор)	49
<i>Немировский А.А.</i> Новые лингвистические результаты М.А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотнесения (пра)юкагиров	59
<i>Хаховская Л.Н.</i> Праздник кита у коренного населения Крайнего Северо-Востока	70
<i>Yamada Takako.</i> Bear Ceremony as an Expression of Ainu Worldview	79
<i>Хурьюн О.Ю.</i> Возрождение нивхского обрядового праздника обновления природы <i>Чир ань (Питул)</i> на территории Сахалинской области	84
<i>Вртанесян Г.С.</i> Некоторые особенности структуры нивхских календарей	91
<i>Дедык В.Р.</i> Традиционная космология и обрядовая культура коряков	97
<i>Романова И.И.</i> Отражение фольклора коренных народов Чукотки в косторезном искусстве	104
<i>Жожигов А.В.</i> Самобытная культура палеоазиатских народов в мировом информационном пространстве.....	109
<i>Беркутова С.А.</i> Аудиовизуальные технологии в работе с детской аудиторией в музейном центре «Наследие Чукотки»	113
Песенная и музыкальная культура палеоазиатских народов	
<i>Добжанская О.Э.</i> Концепция звучащего ландшафта Арктики как инструмент для изучения музыкального фольклора палеоазиатских народов	119
<i>Игнатьева Т.И., Шейкин Ю.И.</i> О музыке круговых танцев верхнеколымских юкагиров	125
<i>Odé Cecilia.</i> Melody in the traditional art of storytelling and singing of the Wadul-Yukaghirs	138
<i>Осипова М.В.</i> «Военные» пляски айнов Курил, Сахалина и Хоккайдо	151
<i>Дьячкова Ж.А.</i> Песенная традиционная культура чукчей Нижней Колымы	161
<i>Дьяконова В.Е.</i> Музыкальная культура чукчей и эскимосов (на материале экспедиции в Чукотский автономный округ)	172
<i>Мамчева Н.А.</i> Обрядово-коммуникативные наигрыши-сигналы медвежьего праздника нивхов	179
<i>Мамчева Н.А.</i> Обрядовые песни медвежьего праздника айнов	190
<i>Акимова В.С., Акимова Н.В.</i> <i>Лохобаануйли</i> – круговой танец тундренных юкагиров	201
<i>Симомура Исао.</i> Об айнских «говорящих» варганах и игре «замена горлом» ..	205

<i>Симокура Исао</i> . Этимология названий айных варганов	214
<i>Симокура Исао</i> . Акустический механизм звукоизвлечения из «говорящего» варгана и из игры «замена горлом»	216
<i>Саньяхова Н.И.</i> Претворение музыкального фольклора юкагигов и чукчей в партитуре балета З.К. Степанова «Ярхадана»	221
<i>Венстен-Тагрина З.В.</i> О семейной шаманской песенной церемонии чукчей на примере праздника <i>Ми'эгыргын</i>	231

Фольклор и языки палеоазиатских народов

<i>Бурыкин А.А.</i> К изучению героического эпоса народов Чукотки: сюжетика, мотивы, типология	244
<i>Прокопьева П.Е.</i> Народные жанры юкагирского фольклора	252
<i>Омрувье И.В., Бурыкин А.А.</i> Ольга Ефимовна Бабошина – собиратель и публикатор фольклора народов Чукотки.	260
<i>Нагаяма Юкари.</i> Фольклор коренных народов Камчатки как языковое и культурное наследие.	265
<i>Шарина С.И., Бурыкин А.А.</i> Сказки-диалоги у народов Сибири: тексты, ареалы, прагматика	271
<i>Чарина О.И.</i> Сказки русских походчан: юкагирские заимствования	276
<i>Сайто Кимико.</i> Японский миф «Заяц на мысе Инаба» и сказки сибирских народов о хитрой лисе	285
<i>Шенталинская Т.С.</i> Марковские сказки «на юкагирский склон»	300
<i>Бурыкин А.А., Куликова И.В.</i> Новое издание образцов героических сказаний народов Чукотки	314
<i>Немировский А.А.</i> Концепция ньалльэ и воинский этос юкагигов (по северо-юкагирскому эпосу об Эдилвэе)	320
<i>Подмаскин В.В.</i> Повествовательный фольклор палеоазиатских народов как историко-этнографический источник	328
<i>Басангова Т.Г., Бурыкин А.А.</i> Чукотская сказка как материал для исторической типологии образцов фольклора эвенков и эвенов	338
<i>Хайруллин Р.З.</i> Миф и реальность в повести Ю. Рытхэу «Когда киты уходят».	343
<i>Курилова С.Н.</i> Инолексика в фольклоре тундровых юкагигов как отражение историко-культурных особенностей контактных ситуаций	353
<i>Endo Fubito.</i> Clause chain and quotation as stylistic peculiarities of Kolyma Yukaghir folktales	363
<i>Сорокин А.А.</i> Семантическая структура родо-видовой группы «Названия анатомических частей рыбы» в языке олиторских коряков	375
<i>De Graaf Tjeerd.</i> Documentation and Revitalisation of the endangered Languages in Eastern Asia: Nivkh and Ainu	384

Нефедкин А.К. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX вв.). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 352 с.

Нефедкин А.К. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало 1 тыс. н.э.-XIX в.). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. – 368 с.

УДК 398.2(=554)

А.А. Немировский, к.и.н.
(Институт Всеобщей истории РАН, Москва)

Концепция *ньалльэ* и воинский этос юкагиров (по североюкагирскому эпосу об Эдилвэе)

Героический эпос об Эдилвэе демонстрирует тщательно разработанную концепцию *ньалльэ* (здесь: ‘плохое, недолжное человекоубийство’), под которым подразумевается всякое убийство человека, совершенное *не* в состоянии прямой само-/инообороны (или силовых действий против не просящих о пощаде или примирении и не отказывающихся от борьбы врагов-комбатантов) в ходе противостояния агрессии, начатой противником не по твоей вине (даже частичной) и не по вине тех, на чьей стороне ты здесь выступаешь. *Ньялльэ* ложится бременем на честь, и его следует избегать. В исключительных случаях *ньалльэ* все же может стать этически допустимым или даже этически необходимым (в силу других этических императивов, в данном случае перевешивающих), но даже тут рассматривается как морально обременительное и весьма нежелательное действие. Концепция *ньалльэ* говорит о развитом этосе, включающем признание высокой ценности человеческой жизни (даже применительно к врагу).

Ключевые слова: воинский этос, юкагиры, эпос об Эдилвэе, *ньалльэ*.

В юкагирском языке, в частности североюкагирском (тундренном), есть целый ряд слов с корнем *нья(a)-* ‘то, что прогив [нормы], плохое, скверное, негодное, недолжное’ [Курилов, 2001, с. 302–306; Николаева, Шалугин, 2002, с. 50; Иохельсон, 2005, с. 460, 474]. Одно из них – *ньалльэ* [Курилов, 2001, с. 305–306] – систематически употребляется в североюкагирских сказаниях об алайском вожде Эдилвэе [Фольклор юкагиров (далее ФЮ), 2005, с. 126–191] в связи с детально разработанной юкагирской концепцией достойного поведения в вооруженном конфликте, которая и является (в аспекте, связанном с понятием *ньалльэ*) предметом настоящей работы. Разброс языковых значений термина *ньалльэ* и его производных довольно велик: это и ‘грех, плохое дело’ вообще [Курилов, 2001,

с. 305–306], и ‘вина, провинность, проступок’ вообще [Там же, с. 305] (оборот «не имеющих *ньалльэ* людей убиваешь» означает «безвинных, неповинных людей убиваешь»), и эвфемизм для добычи (убийства) зверя на охоте, естественно, никем не осуждаемого [Там же, с. 306], и ‘любая скверна / нечистота / гниль, лежащая на объект’ (например, «*ньалльэ* железы» = опухоль железы [Там же, с. 58], «выскрести *ньалльэ*» = очистить рыбу и т.д. от нечистого или непригодного на поверхности соответствующего объекта, обычно – ободрать рыбу, очистив ее от всего непригодного, т.е. скверного или нечистого для приема в пищу [Там же, с. 305]). В эпосе об Эдилвэе о *ньалльэ* речь ведется в связи с некоторыми убийствами человека. Такой спектр значений мог бы предполагать две альтернативные интерпретации: (А) *ньалльэ* в собственном смысле слова означало «плохое (или всякое?) убийство человека», а остальные значения получены из этого за счет расширения и переноса смысла; (Б) или, напротив, значение *ньалльэ* – «нечто плохое / недоброе дело» вообще, а все остальные случаи – лишь конкретизирующие применения этого смысла в различных контекстах. Сказания об Эдилвэе позволяют, на наш взгляд, сделать уверенный выбор в пользу первого варианта, так как в них о двух героях – богатыре Пэлдудиэ и племяннике Эдилвэе – сообщается, что они до сих пор не совершали никакого *ньалльэ* [ФЮ, с. 163, 169, 181], причем сугубо положительный и честный герой Пэлдудиэ дважды говорит это о себе сам. Ясно, что при этом не может иметься в виду ни то, что они совершенно безгрешны и вообще никогда не совершали ничего, достойного укора, ни то, что они никогда не добывали зверя на охоте. Остается заключить, что *ньалльэ* в этих контекстах – некое «недолжное, плохое убийство человека» (как указывает, в частности, Г.Н. Курилов [Там же, с. 470, прим. 12]), и именно это значение первично, а остальные, в том числе ‘грех’ вообще, – производные (это означает, что у юкагиров недолжное человекоубийство рассматривалось как самое тяжкое, «эталонное» злодейство, по которому можно было называть «плохое дело» вообще).

Обратимся к вопросу о том, какие же именно убийства покрываются термином *ньалльэ* в сказаниях об Эдилвэе и что это значит для героев, сказителей и аудитории. Имеем:

1. Во II сказании об Эдилвэе («Эдилвэй и Пэлдудиэ») в ходе продолжительного конфликта алайского вождя-богатыря Эдилвэя (своего для сказителей и аудитории) с чужеплеменниками-чукчами воины последних совершают налет на стойбище Эдилвэя, убивают там всех, кроме двух его жен, а их поработщают и угоняют с собой в собственное стойбище. Эдилвэй хочет выступить на это стойбище, чтобы выручить своих жен, и обращается за помощью к своему соплеменнику и родичу, богатырю

Пэлдудиэ (выступающему на протяжении всего сказания как образец доблести и достоинства). Между тем выясняется, что весь конфликт Эдилвэя и чукчей (очередным звеном которого стал указанный разгром чукчами его стойбища) начался некогда не без вины самого Эдилвэя: именно он, подстрекаемый своими людьми, некогда первым, без прямой необходимости начал нападения и кровопролитие в ходе своего взаимодействия с чукчами (за это поведение Эдилвэя этически осуждают и два его помощника-юкагира, и Пэлдудиэ, раскаивается в нем и сам Эдилвэй [ФЮ, с. 167, 169]). Поэтому на просьбу Эдилвэя о помощи в освобождении его жен Пэлдудиэ отвечает (здесь и ниже вставки в цитаты в круглых скобках вставлены нами для пояснения смысла сказанного): «Эх, ты начинаешь (=сам начал) без нужды убивать просто живущих себе (=неповинных) людей, поэтому к тебе так относятся (чукчи). Вот и меня вынуждаешь совершить *ньалльэ* (участием в твоём походе на этих чукчей ради освобождения твоих жен). Если бы твоих жен не увезли живыми, я бы не пошел» [Там же, с. 168–169]. Сравните еще более ясный вариант: «не имеющих *ньалльэ* = ни в чем не повинных людей убиваешь!» [Курилов, 2001, с. 305]. То есть мстить за жен Эдилвэя, будь они убиты в таком конфликте, Пэлдудиэ уже не захотел бы, как не хочет он мстить при таких обстоятельствах за своих убитых сородичей из стойбища Эдилвэя! И впоследствии, когда поход Пэлдудиэ и Эдилвэя на чукчей завершается разгромом противника и освобождением жен Эдилвэя, Пэлдудиэ с горечью говорит Эдилвэю: «Ну вот, я пошел (к себе). Как бы тяжело тебе ни было, больше уж ко мне не приходи. Я человек, (вообще говоря) не совершающий *ньалльэ*, — (теперь же) я пришел (к тебе на помощь и тем самым все же совершил его, лишь), пожалев твоих жен» [ФЮ, с. 168–169]. Сравните в другом варианте передачи этих реплик Пэлдудиэ: «Меня, не совершавшего /до сих пор/ *ньалльэ*, ты вовлек в *ньалльэ*» [Курилов, 2001, с. 453].

Таким образом, если некий вооруженный конфликт твоего соплеменника с чужеплеменниками начался не без вины самого этого соплеменника, этого достаточно для того, чтобы твое вступление в этот конфликт на его стороне (даже с самой лучшей целью) оказалось *ньалльэ*, тяжким бременем ложащимся на честь (столь тяжким, что Пэлдудиэ приходит в ярость от того, что из-за Эдилвэя он оказался в ситуации, которая по его же понятиям обязывает его обратиться на стороне Эдилвэя оружием против чукчей). В то же время, как видим, удержание себя от *ньалльэ* является сильным, но не категорически приоритетным императивом: ведь и сам Пэлдудиэ, как он ни старается избежать всякого *ньалльэ*, считает, что в данном случае другие этические соображения (требующие от него выручить жен Эдилвэя, раз уж они уцелели, из рук врага) перевешивают и

заставляют его на этот раз, в виде исключения, взять на себя совершение *ньалльэ*. Он лишь сожалеет о том, что попал в такое положение (сурово вина в этом Эдилвэя и разрывая, по сути, с ним родство по окончании дела). Итак, этическая неприемлемость совершения *ньалльэ* относительна: бывают чрезвычайные случаи конфликта разных этических императивов, когда результирующая требует совершить *ньалльэ*, – но бременем на чести оно остается и в этом случае, другое дело, что в некоторых ситуациях это бремя приходится принимать на себя во избежание еще худших (в том числе этически) последствий.

2. В V сказании об Эдилвэе («Идилвей») сюжет во многом напоминает II сказание, но здесь конфликт Эдилвэя (Идилвея) с чукчами начинается сугубо по вине последних (чукча неспровоцированно вызвал Идилвея на смертный поединок, Идилвей одолел его, другие чукчи стали приезжать, чтобы в отместку убить его). Далее, аналогично II сказанию, чукчи громят стойбище Идилвея, угоняют его родственницу, Идилвей является ее освобождать, истребляет всех чукчей стойбища, куда ее угнали, кроме одного старика (как и обещал ранее: «Всех буду убивать» [ФЮ, с. 188–189]), а ее саму (и ее двух сыновей, выросших в плену) спасает и забирает с собой [Там же, с. 185–191]. В результате Идилвея за чрезмерное, нарушающее равновесие уничтожение людей казнит Дух-Хозяин Земли, прибавляя при этом: «Не могу я (больше) тащить твоё *ньалльэ* на себе. Твоё *ньалльэ* стало слишком большим!» [Там же, с. 190–191]. Что именно подразумевается здесь под *ньалльэ*? Само ли по себе чрезмерное по меркам Духа Земли кровопролитие? Ответить на этот вопрос позволяет III сказание об Эдилвэе («Борьба за панцирь Эдилвэя»), отличающееся в целом крайним параллелизмом к V сказанию (это почти варианты одного и того же сюжета). Тем не менее, обращают на себя внимание следующие отличия III сказания от V:

а) в III сказании Эдилвэй, напад в соответствующей части сюжета на стойбище чукчей, чтобы освободить юкагирку и ее детей, убивает в этом стойбище только вражеских мужчин-воинов, что вышли драться против него (зато уж их – поголовно), а женщин и других лиц, остававшихся в ярангах, не тронул: «...Эдилвэй... стал биться [с чукчами]... Когда их осталось мало, побежали — бросал в них копьё. В него тоже попадали, [но] стрела отскакивала от железа. Вот [всех] уничтожил, никого не оставил в живых. Потом стал искать того говорливого старика, искал по ярангам. Бабы сидели возле очага, от страха едва дышали» [Там же, с. 177] (далее описывается, как он нашел этого старика, но не убил его, как и в V сказании) – этих «баб», таким образом, он оставил в живых;

б) в финальной сцене, когда Дух-Хозяин Земли приговаривает Эдилвэя к смерти за то, что тот слишком много убил людей, речь, в отличие от V сказания, уже не идет о *ньалльэ*. Дух Земли говорит лишь: «Остановись наконец, перестань убивать людей», – но не упрекает Эдилвэя в совершении *ньалльэ* [ФЮ, с. 177–178], как он делает это в V сказании.

Сравнение этих моментов с аналогичными моментами в V сказании побуждает заключить: Эдилвэй в обоих случаях убил слишком многих людей по меркам Духа Земли (и был за это им наказан), но *ньалльэ* он при этом совершил лишь тогда, когда убил в стойбище чукчей всех поголовно (V сказание); когда же он убил там лишь воинов, вышедших биться против него (III сказание), но оставил в живых женщин и остальных «нонкомбатантов», *ньалльэ* в этом не нашлось. Поэтому Дух Земли в обоих сказаниях обрекает Эдилвэя на смерть за чрезмерное, по своим меркам, кровопролитие, но в III сказании при этом не числит за Эдилвэем *ньалльэ*.

3. В начале II сказания («Эдилвэй и Пэлдудиэ») Эдилвэй из жадности славы неспровоцированно вызывает Пэлдудиэ на смертный поединок. Пэлдудиэ принимает вызов и дважды, в двух «турах» борьбы побеждает Эдилвэя, причем тот оба раза не может больше сопротивляться (а в первый раз, видя, что проигрывает, еще и сам демонстрирует отказ от дальнейшего сопротивления и готовность к тому, чтобы его убили). Однако Пэлдудиэ оба раза не убивает его, хотя поединка насмерть потребовал сам Эдилвэй (и хотя, щадя его в первый раз, Пэлдудиэ сам дает Эдилвэю возможность убить его при второй попытке) [ФЮ, с. 163–164]. Реплики, которые произносит Пэлдудиэ, щадя Эдилвэя в первый раз («Я тебя не убью. ... Вот до каких лет я дожил, оставшись человеком, не совершившим никакого *ньалльэ*» [Там же, с. 162–163]), не оставляют сомнения в том, что, убив Эдилвэя, отказавшегося от сопротивления и неспособного сопротивляться, Пэлдудиэ совершил бы *ньалльэ*, чего он до сих пор не делал и крайне не желает делать и дальше, – даже ради лучшей защиты собственной жизни (как мы помним, ниже на *ньалльэ* он идет только ради спасения жен Эдилвэя).

Аналогичную картину дает IV сказание об Эдилвэе («Эдилвэй в старости»). Здесь в ходе конфликта Эдилвэя и его племянника с чукчами создается ситуация, в которой чукотский богатырь (в конце концов оказывающийся женщиной) бьется с Эдилвэем на копьях, берет над ним верх и преследует его, пытаясь убить, но, получив рану в плечо в схватке с племянником Эдилвэя, сам отказывается от дальнейшей борьбы (так как после этого ранения она стала безнадежной), скидывает одежду, показывая свою готовность умереть, и говорит Эдилвэю и его родичу: «Убейте меня ско-

рее, пока [я сам] не замерз». Племянник Эдилвэя собирается его убить, но Эдилвэй заявляет: «Лучше не убивай, не то *ньалльэ* совершишь. Я (уже и так) убил много людей, лучше я сам и (этого) убью», – и сам убивает врага [Там же, с. 180–181]. Здесь, как и в только что приведенном примере с Пэлдудиэ, убийство врага, уже лишенного возможности вести борьбу и потому демонстративно отказавшегося от нее и покорившегося судьбе (но вовсе не просящего пощады и не собирающегося мириться!), оказывается *ньалльэ*. Реплику Эдилвэя остается понять так, что его племяннику до сих пор не приходилось совершать *ньалльэ*, и потому желательно, чтобы он и сейчас не брал его на себя, в то время как Эдилвэй может сделать это вместо него, уже ничего не теряя: ему уже приходилось совершать подобные вещи.

Отметим, что при всем этом в данном сказании Эдилвэй не подвергается осуждению не только со стороны других персонажей (как это было во II сказании), но и со стороны Хозяина Земли (как это было в III и V сказаниях) – сразу после изложенного эпизода наступает финал, счастливый и мирный для героя: «Вот так и живут, с тех пор их никто не трогает. Они тоже никого не трогают» [ФЮ, с. 181]. Как видно, сказитель не находит в описанном поступке Эдилвэя ничего заслуживающего этического негодования, хоть это и *ньалльэ*. В самом деле, трудно представить себе этические претензии по поводу убийства врага, только что упорно пытавшегося тебя убить, не собирающегося мириться и просто лишившегося пока возможности продолжать бой (так что, кстати, оставить его в живых означало бы просто оставить в силе дальнейшую угрозу для самих себя: он мог и оправиться, и навести своих на след Эдилвэя и его племянника). В то же время такой поступок остается бременем на чести – ведь Эдилвэй считает нужным взять его на себя, избавив племянника от совершения такого дела, а Пэлдудиэ в аналогичной ситуации предпочитает дать Эдилвэю еще одну возможность убить его, чем лишить его жизни тогда, когда тот сам отказался от борьбы и изъявил готовность к смерти. Как видно, убийство врага в подобных ситуациях было таким видом *ньалльэ*, что совершение его не вызывало особых этических упреков, но все же считалось нравственно обременительным, а отказ от такого поступка был особо великодушен и делал человеку особую честь (именно таким образом всех достоинств, часто сверх обязанности, изображается Пэлдудиэ во II сказании).

4. Рассмотренные сказания об Эдилвэе, как и I сказание о нем «Поход Эдилвэя к чачинцам и ламатканам» [Там же, с. 126–159], неоднократно рисуют убийства, совершенные героем в непосредственной вооруженной борьбе с врагом, желающим лишить его жизни (при этом не просящим о мире и не подставляющим демонстративно себя под удар героя с отказом от борьбы), причем соответствующие конфликты возникали без вины

героя. Во всех таких случаях о *ньалльэ* не говорится даже намеком. Все случаи совершения или возможности совершения *ньалльэ* в этих сказаниях были рассмотрены нами выше.

Из сказанного следует, что *ньалльэ* в сказаниях об Эдилвэе – это не всякое убийство, а убийство человека, совершенное *не* в состоянии само-/инообороны (или военных действий против врагов-комбатантов, не просящих о пощаде или примирении и не отказывающихся от продолжения борьбы), случившихся в ходе борьбы с агрессией, начатой противником не по твоей вине (даже частичной) и не по вине тех, на чьей стороне ты выступаешь. Убийство врага-комбатанта на войне, если враг этот не успел отказаться от сопротивления, а сам бой возник не по твоей вине (и не по вине того, кому ты помогаешь против этого врага) – не *ньалльэ*. Убийство женщин в стойбище таких врагов (даже сразу после боя с ними, происшедшим перед самым стойбищем, и в прямое продолжение этого боя) – уже *ньалльэ*.

Кто сумел избежать совершения *ньалльэ*, не нарушив более важных этических обязательств, тот заслуживает особого почета и вправе особенно гордиться собой (Пэлдудиэ во II сказании). Есть, однако, обстоятельства, в которых можно или даже нужно идти на *ньалльэ* – если этого требуют более важные этические соображения или достаточные для этого соображения безопасности. В подобных чрезвычайных, пограничных случаях *ньалльэ* может оказаться этически допустимым и даже этически обязательным, но и тогда оно рассматривается как взятое на себя скверное дело, которого вообще-то лучше было бы избежать; совершение его в этих случаях заставляет совершившего сожалеть о том, что ты попал в обстоятельства, сделавшие *ньалльэ* этически необходимым (или этически допустимым и прагматически желательным). Так, убить в бою врага, который на момент убийства отказался от сопротивления или лишился сил, – это *ньалльэ*, даже если этот враг неспровоцированно напал на тебя и будет пытаться тебя убить, если оставить его в покое. Это, однако, этически допустимое *ньалльэ* (см. выше, пример с убийством Эдилвэем врага-чукчи в IV сказании), и все равно избавить другого от совершения такого *ньалльэ* – похвально (тот же пример: Эдилвэй избавляет от такого деяния своего племянника, беря его на себя), а воздержаться от него самому (как Пэлдудиэ щадит Эдилвэе во II сказании) – особо похвально. Если кто-либо вступил по этически приоритетным соображениям (например, из племенной солидарности) в войну на стороне тех, кто сам был виновен в начале этой войны, то (даже если он выступает на стороне соплеменников против причинивших им по ходу дела большой ущерб иноплеменников) совершенное им на этой войне убийство окажется *ньалльэ* (кроме, возможно,

убийства, совершенного в состоянии непосредственно необходимой само- и инообороны). Такое *ньалльэ* этически необходимо брать на себя, но достойный человек горюет о том, что судьба поставила его перед подобной необходимостью (участие Пэлдудиз в последнем походе Эдилвзя на чукчей во II сказании). *Ньалльэ*, таким образом, всегда является бременем на совести, но не всегда – пятном на совести. По некоторым сюжетам фольклора южных юкагиров о правой мести за оскорбление или предательский обман [Иохельсон, 1900, с. 148–149; ФЮ, с. 382–387] допустимо предположить, что и месть за тяжкое незаслуженное оскорбление могла быть оправданием для совершения *ньалльэ* в адрес оскорбителя, однако прямых указаний по этому поводу в источниках нет.

Ближайшей по смыслу передачей термина *ньалльэ* в обсуждаемом значении было бы, таким образом, нечто вроде «тягостное, обременяющее честь убийство человека, недоброе убийство» (обычно, хотя не обязательно неправо, и всегда долженствующее считаться крайне нежелательным). Отсюда и правдоподобно выводить остальные значения слова *ньалльэ*, развивающиеся по двум ассоциативным цепочкам: «недоброе, скверное убийство > скверное, недоброе дело» (откуда *ньалльэ* в значении «вина, грех, нечто нечистое, недолжное») и «недоброе, скверное убийство > убийство вообще, как таковое» (откуда *ньалльэ* в значении «добыча зверя на охоте»).

Снять с себя *ньалльэ* в рассматривавшемся выше смысле слова было, по-видимому, невозможно: в изложенных преданиях никаких обрядов очищения от *ньалльэ* или его искупления не проводят даже герои, крайне сожалеющие о том, что им пришлось его совершить. Если бы *ньалльэ* можно было снять с себя обрядом, то ни Пэлдудиз во II сказании не было бы надобности так горевать и ожесточаться из-за того, что ему все же пришлось на старости лет совершить *ньалльэ*, ни Эдилвзю в IV сказании не было бы надобности так оберегать племянника от совершения тем первого в его жизни *ньалльэ*. В обоих этих случаях совершение *ньалльэ* рисуется, очевидно, как акт необратимый. Таким образом, если и существовали обряды, оберегающие человека от мести духов или людей за то или другое *ньалльэ* (что вполне вероятно), очиститься ритуалом от самого *ньалльэ* было нельзя. Это и понятно, поскольку *ньалльэ*, судя по всему – этическое, а не ритуальное понятие (для ритуальных «грехов» существуют другие слова).

Выявляющаяся таким образом в североюкагирских преданиях концепция воинского этоса, с его понятием о *ньалльэ* и желательности (а в ряде случаев и обязательности) его избегать, по своей сложности, разработанности, признанию ценности любой человеческой жизни и великоду-

нию по отношению к ней (даже если это жизнь опасного и агрессивного на текущий момент врага-иноплеменника) должна быть поставлена, по нашему мнению, в один ряд с такими явлениями, как, например, хеттская концепция должного и сверх должного великодушного обращения с врагом или римская *humanitas*-«человечность», распространявшаяся по определенным правилам также и на противника. Это лишний раз показывает, что уровень развития культуры, в том числе по выделению личности и признанию ценности ее существования, не имеет сколько-нибудь жесткой привязки к степени развития технической и хозяйственной базы этой культуры.

Литература

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб.: ИАН, 1900. – XV. – 240 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 5).

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект): уч. пособие для уч-ся нач. шк. – СПб.: Дрофа, 2002. – 224 с.

Фольклор юкагиров / сост. Г.Н. Курилов. – М.; Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).

УДК 398.2(=1.571.56+571.65-81)

В.В. Подмаскин, д.и.н.
(ИИАЭНДВ ДВО РАН, г. Владивосток)

Повествовательный фольклор палеоазиатских народов как историко-этнографический источник

В статье рассматриваются мифы, сказки, исторические предания чукчей, коряков, ительменов, азиатских эскимосов, юкагиров, нивхов и айнов. Мифологический пласт отражает автохтонные черты в развитии культуры. Гетерогенность палеоазиатских народов оказала существенное влияние на их культуру и этническую историю. Фольклорное наследие обладает характерными для всех палеоазиатов особенностями. Реальное единство